

Е. А. Шарин

ДИНАМИКА СМЕНЫ ВЛАСТИ: КРУШЕНИЕ СТАРОГО ПРАВОПОРЯДКА В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ С ФЕВРАЛЯ ПО ОКТЯБРЬ 1917 г.

Февральская революция 1917 г. в корне изменила все политические, социальные и экономические институты общества, в том числе и одну из главных опор внутренней стабильности любого государства – полицию. Самодержавие пало, а вместе с ним была сметена и полиция.

Уже в первые дни Февральской революции радикально настроенные массы в Петрограде начали громить полицейские участки и арестовывать самих полицейских. Вот как описывает это посол Франции в России Морис Палеолог: «...в Петрограде восставшие, подавив сопротивление полиции и жандармерии, захватили и подожгли здание охранного отделения, горели дома министерства внутренних дел, военного губернатора, министра Двора» [1].

По всей России, в том числе и в Вятской губернии, в центральные органы власти стали приходить телеграммы с просьбами разъяснить, находится полиция в распоряжении нового правительства или нет.

Временное правительство, пришедшее на смену самодержавию, понимало, что полиция будет ассоциироваться со старой властью. Полицейские чины, в свою очередь, обоснованно опасаясь за себя и за жизнь родных и близких, не хотели рисковать. Все это привело к массовому увольнению из полиции, а зачастую и банальному бегству со службы. Например, 5 марта в Котельниче «конно-полицейские стражники и городовые отказались нести службу в полиции и заявили о своем уходе со службы» [2]. В том органы правопорядка нельзя упрекнуть, неся службу и защищая Родину, полиция всегда ощущала за спиной поддержку государства, а после падения самодержавия полиция поняла свою беззащитность перед толпой.

10 марта 1917 г. постановлением Временного правительства департамент полиции был упразднен. Юридически полиция дореволюционной России прекратила свое существование.

Было принято решение о создании нового органа правопорядка, не связанного со старым режимом, – милиции. Реорганизация полиции в милицию и управление милицией были возложены на общественные управления: в городах – на городские управы, в уездах – на земские управы. Новообразованная милиция должна была вооружиться отнятым у полиции оружием.

По всем уездам Вятской губернии происходил массовый сбор оружия и боеприпасов. Например, в Елабуге полиция уже 7 марта была разоружена. Начальнику гарнизона сдано следующее количество оружия и патронов: 22 револьвера системы Нагана и 420 патронов, 34 винтовки системы Бердана и 3365 патронов, 36 японских винтовок и 1710 патронов [3]. В Уржуме 9 марта было изъято 176 винтовок и 8367 патронов, 53 револьвера и 3383 патрона, 170 шашек [4].

Бывших полицейских на службу в новообразованную милицию рекомендовано было не брать как неблагонадежных. Все лица, не вошедшие в штат милиции, отправлялись в действующую армию. Если все же нижние чины полиции брались на службу, то командные должности получить не могли. Встал вопрос, где найти людей для руководящих должностей? Выбор пал на армию. Было предложено искать кандидатов из лиц офицерского звания, уволенных от службы по ранениям или болезням.

По запросу губернского комиссара от 5 марта 1917 г. командующему Казанским военным округом на должность начальника милиции был назначен прапорщик запасного 106-го пехотного полка Василий Афанасьевича Дробинин, заступивший на должность 7 марта [5].

Армейский офицер понимал, что без опытных кадров наладить службу не получится, и всячески старался оставить на прежних должностях бывших полицейских. 16 марта на имя губернского комиссара была отправлена телеграмма. В ней В. А. Дробинин по соглашению с комитетом по охране города представлял список бывших чинов Вятской городской полиции и ходатайствовал о представлении им отсрочки по призыву на действительную военную службу, аргументируя это тем, что данные лица являются, безусловно, необходимыми на службе в милиции и без них обойтись никак нельзя.

В свою очередь на местах выносили похожие решения. Так, Елабужская городская дума ввиду полной невозможности заместить должности милиционеров новыми лицами постановила остаться пока при прежнем составе городских, переименовав их в милиционеров. В апреле 1917 г. начальник Яранской милиции отправил запрос, где предлагал во избежание нарушения правильного функционирования дел в милицейской управе оставить в должности секретаря, состоявшего на этой должности в бывшем полицейском управлении. Но это было редким исключением.

Кроме этого у милиции возник ряд проблем, которые требовали от Временного правительства быстрого решения.

Уездные комиссары, назначаемые на должность начальников милиции в уезде, в первую очередь, не должны были быть связаны со старой властью. Это приводило к тому, что на командной должности находился или нижний чин бывшей полиции, или же человек, не работавший и не имеющий вовсе опыта в системе правопорядка. Новоиспеченные начальники сами плохо понимали свои обязанности и не имели представления о работе.

Подтверждением этому может служить телеграмма комиссара Малмыжской милиции от 7 марта 1917 г. губернскому комиссару: «Телеграмму вашу о назначении меня комиссаром получил. Могу беспокойных лишать свободы? Телеграфируйте подробные указания, кто милицией будет руководить на местах, должна ли быть она вооружена?» [6] Человек, возглавляющий всю милицию уезда и отвечающий за ее действия, сам не имел понятия, как нужно работать. Это не могло не повлиять на профессиональные качества простых милиционеров, которых попросту некому было учить.

Начальник милиции Сарапульского уезда 3 июля в служебной записке упоминал, что «весьма разнообразные, чрезвычайно важные, многочисленные и очень ответственные функции полиции приняла на себя люди, не имеющие для того ни знаний, ни служебного и полицейского опыта» [7].

Среди милиционеров встречались люди, сознательно не приступавшие к дознанию, взамен возбуждения уголовного дела занимавшиеся пропагандой и чтением нотаций лицам, которые были задержаны за избиение милиционеров. 5 июля 1917 г. Яранская комиссия общественных организаций сообщила губернатору, что должностные лица милиции, будучи безупречными с нравственной стороны, часто с технической стороны являются непригодными к

исполнению возложенных на них обязанностей, при этом комиссией выделялись два главных фактора:

1. Малограмотность.
2. Незнание своих обязанностей и прав [8].

В деревнях само население должно было организовывать правопорядок. 15 марта 1917 г. Вятский губернский комиссар Временного правительства отправил телеграммы во все уезды с указанием: «Сельским старостам вручаются обязанности милиционера соответствующего селения» [9]. Староста в деревне, человек, несомненно, авторитетный и уважаемый односельчанами, теперь должен был следить за соблюдением и исполнением законов, которых сам даже не знал. Население, помнящее жесткую хватку профессиональной царской полиции и наблюдая неспособность новоиспеченной милиции постоять даже за себя, не испытывало уважения к новым органам власти.

Если в первое время для стабилизации ситуации в уездах губернский комиссар мог опереться на армию, отправляя для успокоения населения солдат, то вскоре и армейская поддержка практически прекратилась. К маю 1917 г., опасаясь окончательного разложения армии, командующий Казанским военным округом предложил представить по телеграфу в штаб округа соображения, сколько человек требуется для усиления и как будет разрешен вопрос о содержании солдат и офицеров, в свою очередь обещая из ближайших воинских частей предоставить лиц, непригодных к отправлению на фронт [10].

Таким образом, уже к лету в губернии для сохранения порядка не было ни компетентной милиции, ни боеспособной армии. Губернский комиссар отправил запрос по уездам с целью прояснить обстановку и узнать о необходимости армии на местах.

Начальник милиции Сарапульского уезда сообщил, что состав милиции в Сарапульском уезде недостаточен для борьбы с преступностью. Было высказано желание иметь возможность получать по мере необходимости во временное распоряжение до 15 солдат при содержании по 2 рубля в сутки [11]. Начальник милиции Глазовского уезда, наоборот, сообщил: «В настоящее время из войсковых команд в командировку в помощь милиции не имеется надобности» [12].

Стремясь организовать нормальную работу милиции, в уездах начали открывать школы милиции, где проводились курсы по три-четыре месяца, куда

набирали по 25 человек из уезда и пять – из самого города. Главной целью таких школ было привить навыки розыскной и следственной работы у милиционеров. Например, была разработана программа обучения в школе милиции в Сарапуле: намечался курс занятий на три-четыре месяца, с экзаменами.

Комплект учащихся не должен был превышать 25 человек, вызываемых на четыре месяца из уезда для прохождения учебы. Была также составлена смета расходов школы за месяц.

«Смета расходов по устройству и содержанию школы для милиционеров в г. Сарапул.

1. Наем помещения для школы с отоплением и освещением.....200 руб.
 2. Суточные милиционерам по комплекту учащихся 25 чел. По 1 руб. 50 к. в сутки на дому.....1125 руб.
 3. Учебные пособия и канцелярские принадлежности75 руб.
 4. Суточные преподавателям (из расчета 3 руб. за час при 4-часовом занятии в день)..... 300 руб.
- Всего: 1700 руб.» [13].

К лету 1917 г. была выпущена инструкция для уездной милиции на 15 страницах, регламентирующая действия милиционеров при объезде территории и по задержанию преступников, а также содержащая образцы составления протоколов. С организацией работы были назначены зарплаты сотрудникам милиции. Так, начальник уездной милиции получал 350 руб. в месяц, его помощник – 300 руб., младший чин милиции – 100 руб.

Трудности возникали с форменной одеждой. Рядовой обыватель всегда робел, видя перед собой официальное лицо, облаченное в форменную одежду, подчеркивавшую принадлежность к власти. Временное правительство этим вопросом не озадачилось, а так как царские мундиры, по понятным причинам, не могли быть использованы милицией, а форма нового образца не была еще создана, это затрудняло работу.

21 июня 1917 г. начальник Яранской милиции сообщал, что «состав милиции в уезде уже давно сформирован, но из-за отсутствия описания установленной форменной одежды чины милиции исполняют служебные обязанности в партикулярном платье» [14].

В условиях хаоса и роста преступности появилось множество людей с оружием. Население не могло отличить обычного преступника от милиционера, так как отличий никаких не было.

5 октября приказом МВД было решено ввести обмундирование темно-синего цвета с допущением на первое время постройки обмундирования из материала защитного цвета.

Но приказ не был доведен до начальников уездной милиции. Из Уржума 28 октября начальник милиции просил разъяснений об установленной правительством формы одежды для чинов милиции.

На фоне всех проблем, сотрясавших губернию, мимо центральных властей губернии прошел вопрос о служебно-розыскных собаках бывшей полиции. Начальник Вятской городской милиции с завидным упорством отсылал запросы с просьбой разъяснить, что делать с пятью собаками, так как запроса из армии на них нет, а содержание каждой обходилось в 50–60 рублей в месяц. В свою очередь, он предлагал продать их на рынке местным любителям, но ответа не последовало. Это привело к тому, что 25 сентября пять сыскных собак породы немецкая овчарка под кличками Зепп, Арфа, Принц, Женни и Фриц были переданы по распоряжению Вятской городской управы на Вятскую городскую скотобойню, о чем и было отправлено уведомление [15].

Сами сотрудники милиции видели свою несостоятельность и неспособность властей решить насущные проблемы. Наблюдая озлобленность населения, они закономерно начали опасаться за свои жизни.

К лету 1917 г. чины милиции, поддавшись всеобщей анархии, стали самовольно покидать свои посты. Начальник Вятской городской милиции 12 августа сообщал: «За последнее время начали замечаться случаи самовольного оставления милиционерами своих обязанностей, несмотря на сделанные им разъяснения о недопустимости таких поступков» [16].

К осени 1917 г. встала новая и последняя проблема для Временного правительства, а именно – нехватка патронов по всей губернии. 21 октября 1917 г. из Сарапульского уезда была отправлена телеграмма с сообщением: «чины полиции Сарапульского уезда вооружены револьверами “наган”. Патронов к этим револьверам не имеется» [17]. В тот же день был получен ответ: «Уведомляем вас, что револьверы системы “браунинг” и “наган” с

патронами не могут быть отпущены, ввиду отсутствия их в распоряжении Главного управления» [18].

Но эту проблему новому правительству уже не суждено было решить. В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. произошла Октябрьская революция, изменившая ход истории России еще раз.

Таким образом, после Февральской революции взамен разогнанной высококвалифицированной и опытной полиции пришла народная милиция. Милиционеры не имели опыта, и порой даже образования, и не могли вести ни розыскную, ни следственную работу, что, в свою очередь, подрывало их авторитет, а также авторитет правительства, за которым милиция стояла.

Еще одна опора любого государства – армия – тоже не могла стабилизировать ситуацию в губернии. Сами милиционеры, понимая свою несостоятельность, стали сбегать со службы. В результате Октябрьской революции Временное правительство было свергнуто.

Созданием и организацией милиции после Октября занималось уже новое большевистское правительство.

Примечания

1. Палеолог М. *Царская Россия накануне революции*. М., 1991. С. 241.
2. Государственный архив Кировской области (далее ГАКО). Ф. 1345. Оп.1. Д. 86. Л. 73.
3. ГАКО. Ф.1345. Оп 1. Д. 5. Л. 41–42.
4. Там же. Л. 131.
5. Там же. Л. 5.
6. Там же. Д. 6. Л. 33.
7. Там же. Д. 5. Л. 212.
8. Там же. Д. 6. Л. 44.
9. Там же. Д. 5. Л. 38.
10. Там же. Д. 6. Л. 208.
11. Там же. Л. 50.
12. Там же. Л. 213.
13. Там же. Д. 5. Л. 213–214.
14. Там же. Л. 200.
15. Там же. Л. 243.
16. Там же. Д. 6. Л. 150.
17. Там же. Д. 5. Л. 272.
18. Там же. Л. 272.

19. Тимкин Ю. Н. *Смутное время на Вятке: общественно-политическое развитие Вятской губернии весной 1917 – осенью 1918 гг.* Киров, 1998.
20. Бакулин В. И. *Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг.* Киров, 2008.